

LATVIJAS UNIVERSITĀTE
HUMANITĀRO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
RUSISTIKAS UN SLĀVISTIKAS NODAĻA

**Ostzemes tēma Nikolaja Ļeskova daiļradē: «Kolivāņu
vīrs» (Kolyvanskiy muzh)
BAKALaura DARBS**

Autors: **Veronika Aleksandrova**
Studentu apliecība № va15015
Darba vadītājs: asoc.prof. Dr.Philol. Jurijs Sidjakovs

RĪGA 2018

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ РУСИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

**Остзейская тематика в творчестве Н.С. Лескова:
«Колыванский муж»
БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА**

Автор: **Вероника Александрова**
Студенческий билет № va15015
Научный руководитель: ассоц.проф. Dr.Philol. Ю.Сидяков

РИГА 2018

Аnotācija

Veronika Aleksandrova

Ostzemes tēma Nikolaja Ļeskova daiļradē: «Kolivāņu vīrs» (Kolyvanskiy muzh):

Bakalaura darbs. – Rīga, 2018. – 38 lpp.

Darbs ir veltīts Ostzemes teitorijas pētījumam Ļeskova daiļradē, par piemēru ņemot mazpazīstamo stāstu "Kolivāņu vīrs". Darba mērķis ir noskaidrot autora attieksmi pret Ostzemes vāciešiem un veikt stāsta analīzi.

Darbs ir sadalīts divās daļās. Darba pirmajā daļā autors iepazīstina ar galvenajiem teorētiskajiem jautājumiem, kas nepieciešami pētījuma veikšanai, tiek apsvērta N.S. Ļeskova dzīve Baltijas valstīs. Darba otrajā daļā autors analizē saņemto informāciju un salīdzina to ar stāstu "Kolivāņu vīrs".

Pētījums var interesēt šajā jautājumā ieinteresētos filologus, kā arī N.S. Ļeskova daiļrades cienītājus.

Atslēga vārdi: N.S. Ļeskovs, Ostzeme, Baltija, vācieši

Abstract

Ostsee theme in the creativity of N.I.Leskov: "Kolyvan Husband": Bachelor's Paper.- Riga, 2018.-38 p.

The thesis is devoted to the study of the Ostsee region in Leskov's works based on the example of the little-known story "Kolyvan husband". The purpose of this thesis is to identify the author's attitude to Ostsee Germans and the analysis of the mentioned story.

The thesis is divided into two parts. In the first part, the author presents the main theoretical questions necessary for conducting the research, as well as it is examined the life of N.S. Leskov in Baltics. In the second part of the thesis, the author analyzes the received information and compares it with the story "Kolyvan husband".

The study may be concerned by philologists interested in this issue, as well as connoisseurs of N.S. Leskov creativity.

Key words: N.S. Leskov, Ostsee region, Baltics, Germans

Аннотация

Остзейская тематика в творчестве Н.С. Лескова: «Колыванский муж»:

бакалаврская работа. – Рига, 2018. – 38 стр.

Работа посвящена исследованию Остзейского края в лесковском творчестве на примере малоизвестного рассказа «Колыванский муж». Целью работы служит выявление отношения автора к остзейским немцам и анализу рассказа.

Работа делится на две части. В первой части работы автор излагает основные теоретические вопросы, необходимые для проведения исследования, рассматривается жизнь Н.С. Лескова в Прибалтике. Во второй части работы автор анализирует полученную информацию и сопоставляет ее с рассказом «Колыванский муж».

Исследование может заинтересовать филологов, интересующихся этим вопросом, а также ценителей творчества Н.С. Лескова.

Ключевые слова: Н.С.Лесков, Остзея, Прибалтика, немцы

Содержание

Введение.....	1
Глава 1. Остзейская тематика в жизни и творчестве Н.С. Лескова	3
1.1. Лесков и рижские староверы.....	3
1.2 Лесков и остзейский вопрос.....	12
1.3. Лесков и Остзейский суд.....	17
Выводы	23
Глава 2. Анализ рассказа Н.С. Лескова «Колыванский муж».....	25
2.1. «Колыванский муж». Сюжет и проблематика.....	25
2.2. Образ немца в рассказе.....	32
Выводы	39
Заключение.....	41
Список использованной литературы.....	42

Введение

Темой данного исследования является остзейская тематика в творчестве Н.С. Лескова на примере рассказа «Колыванский муж». **Актуальность темы** исследования связана с тем, что остзейская¹ тематика в лесковском творчестве развита и изучена плохо. Главная причина в том, что основные его историко-публицистические тексты малоизвестны для исследования. Так же важным аспектом, в котором заключается актуальность исследования является то, что именно рассказ «Колыванский муж» малоизвестен, а исследователи уделяют внимание более узнаваемым произведениям автора. Также в тексте описываются балтославянские связи, события в рассказе происходят в Лифляндии и Эстляндии, в то время Российских губерниях.

Объект исследования – остзейская тематика в творчестве Н.С. Лескова. Выбор данного объекта исследования обуславливается тем, что остзейский вопрос конкретно в этом рассказе мало изучен или не изучен вовсе.

Предметом исследования является рассказ «Колыванский муж»

В качестве **материала** исследования был выбран рассказ «Колыванский муж» Н.С. Лескова, в которых присутствует интересующий нас предмет. Выбрано именно это произведение автора, так как в нем русско-остзейская тематика была представлена наиболее ярко.

Цель исследования – выявить авторскую оценку проблем Остзейского края и художественные средства, которые использует писатель при создании сюжета и образов.

Задачи исследования:

1. Отобрать материал для исследования
2. Рассмотрение образа главного героя как носителя «русского начала» в Остзейском крае
3. Выявление автобиографического начала в образе героя-рассказчика
4. Охарактеризовать образ немца в рассказе

¹ Балтийское море на немецком. Исторически понятие «прибалтийские губернии» стали использовать для обозначения Эстляндии, Лифляндии и Курляндии в конце XIX века, когда переименовали остзейские губернии в ходе русификации.

5. Выяснение авторской позиции и оценки.

Методы исследования – поисковый (отбор необходимого материала), аналитический (анализ отобранного материала), описательный (описание материала, его систематизация), сравнительно-сопоставительный.

Теоретической базой исследуемого материала являются научные труды, посвященные изучению творчества Н.С. Лескова, остзейского вопроса, отношению немцев к русским, русских к немцам в 19 веке. [Инфантьев Б., Лосев, А., Грелов А., Дмитриев А. и др.]

Структура работы – данное исследование состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка используемой литературы, состоящего из 22 наименований. Во введении обоснован выбор темы дипломной работы и ее актуальность, определены цель и задачи. Первая глава посвящена изучению теоретического материала на выбранную тему. Вторая глава посвящена изучению и анализу отобранного материала. В заключении подведены итоги исследования и намечены возможные перспективы исследования.

Глава 1. Остзейская тематика в жизни и творчестве Н.С. Лескова

1.1. Лесков и рижские староверы

Н.С.Лесков впервые побывал в Прибалтике в самом начале своего творческого пути – в сентябре 1862 года: писатель на несколько дней задержался в Двинске и Вильне, направляясь в Париж. Во время этого путешествия Лесков вел дорожный дневник, который потом был напечатан в петербургской политической и литературной газете «Северная пчела», где в том же году он начал работать корреспондентом. Необходимо отметить, что Лесков стал литератором, будучи уже зрелым тридцатилетним человеком со сложившимися взглядами и убеждениями.

В дневниковых записях упоминается забавный случай, произошедший в Двинске – некий проезжий генерал принял Лескова за француза, и всю дорогу еще и удивлялся тому, что тот свободно общается по-русски. Когда из Петербурга писатель выехал в Псков и Ригу, маршрутом, которое предоставило ему начальство, ему исполнилось 32 года (июль 1863). [Инфантьев 1999: 183]

Вторая поездка в Ригу была связана с изучением жизни рижских старообрядцев. Местные староверы из Санкт-Петербурга встретились с Н.С. Лесковым в трактире «Феникс» и поведали ему о проблемах рижских староверов, которые были вынуждены свою школу прятать от властей. Вероятно, для старообрядцев было важно, что их знакомый литератор также работал в судебной палате. После разговора с петербургскими староверами писатель добился встречи с министром просвещения А.В. Головиным и в связи с этим вопросом в середине лета 1863 года был командирован от Министерства народного просвещения к псковским и рижским старообрядцам, чтобы исследовать и осмотреть тайные школы для детей и выяснить, каковы возможности обучения их детей при моленных домах. Властями было запрещено легально иметь такие учебные учреждения для староверов. Изучение этого вопроса связано с организацией правительственных общеобразовательных школ для детей религиозного общественного движения по всей России. В Петербурге и Москве влиятельные купцы выявили желание завести школы на подобии тех, в которых когда-то обучались юные гребенщиковцы. На момент приезда Лескова положение рижских старообрядцев было печальным. [Гурин 2010: электронный ресурс]

История старообрядческой общины в Латвии насчитывает уже более трех столетий. Появление первых раскольников напрямую связано с жестокими репрессиями, которым сторонники старой веры подверглись у себя на родине, после того, как в XVII веке царь Алексей Михайлович и патриарх Никон начали создавать и разрабатывать церковные реформы. Суть реформ заключалась в исправлении богослужебных книг, в изменении некоторых обрядов по византийским образцам, в замене двуперстия троеперстием. Изменились также правила проведения крестного хода и написания имени Христа. Разумеется, не все верующие поддержали эти реформы, и с того времени Русская Православная церковь распалась на две части: православную – официальную, и старообрядческую, отвергнувшую все реформы Никона. [Появление староверов на территории Латвии 2010: электронный ресурс]

«Раскольники — так презрительно-отчужденно называли в Московии наших предков, отказавшихся признать эту реформу, насильственно проводившуюся патриархом Никоном при поддержке царского двора, — рассказывает наш современник, старообрядческий наставник, доктор богословия отец Иоанн Миролубов. — Во второй половине XVII века староверов, отказавшихся предать веру дедов, стали подвергать совершенно диким и варварским репрессиям. Со времен Ивана Грозного Русь не знала подобных зверств, массовых пыток и изощренных казней. Чего только стоит одно такое трагическое явление, как так называемые «гари»: целые общины из десятков человек, оказавшись в безвыходном положении, запирались в деревянных срубках и с молитвами подвергали себя самосожжению». [Староверы Латвии 2005: электронный ресурс]

Сторонники «старой веры» были вынуждены бежать на окраины государства или за его пределы, в том числе в Ливонию, то есть на территорию нынешней Латвии, где первые поселения староверов появились в 1659 году. На землях Прибалтики, которые находились в то время под господством Швеции, вне досягаемости Российского правительства, староверам были рады, здесь они чувствовали себя в безопасности. Большую роль в этом сыграл тот факт, что в результате польско-шведской войны территория Ливонии была разорена и совершенно опустошена, а в период с 1657 по 1661 годы Курляндия столкнулась с эпидемией чумы, что привело к резкому снижению численности населения. Пашенные земли были заброшены – тем самым, в прибытии староверов правительство было заинтересовано и им была предоставлена работа. Староверы селились на территориях Лифляндии, Курляндского

герцогства и на территории современной Латгалии, которая в результате Ливонской войны отошла к Польше. [Крастелев 2010: электронный ресурс]

В первой половине XVIII века численность староверов в Прибалтике продолжала расти: они бежали из северо-западных областей России уже от реформ Петра I. Поскольку после присоединения Лифляндии к России местная администрация какое-то время оставалась прежней, то староверы по-прежнему находились вне досягаемости государственных чиновников из Петербурга и Св. Синода, продолжая жить своей прежней жизнью и согласно правилам своей веры. К примеру, архимандрит Маркелл Радышевский в августе 1723 г. сообщал в Св. Синод о том, что многие рижские раскольники, чтобы не причащаться в «святую четыредесятницу, поуходили» и скрываются в Курляндии, а тех, кто не успел скрыться «записано душ больше пятисот». [Крастелев 2010: электронный ресурс]

Если старообрядцы, переселившиеся на территорию Лифляндии, попали в полную крепостную зависимость от местных помещиков, то с середины XVIII в. беглые крестьяне стали селиться в «торгово-промышленных селах, на окраинах и в предместьях городов, где развивалось производство. Вскоре именно городские старообрядческие общины стали являться организациями, которые уже могли предоставить своим единоверцам приют и укрытие. Одновременно в этих городских общинах проходил процесс имущественного расслоения: с одной стороны - разоренные, беглые крестьяне, вынужденные начинать с нуля жизнь на новом месте, а с другой стороны – первые переселенцы-старообрядцы, обосновавшимся в Лифляндии с середины 17 века, уже крепко стояли на ногах и превратились в зажиточных купцов, домовладельцев, хозяев предприятий. [Крастелев 2010: электронный ресурс]

С середины XVIII века в Риге начинает существовать одна из крупнейших старообрядческих общин. Во время царствования Елизаветы Петровны в здании купца первой гильдии С. Дьяконова был основан старообрядческий храм и богадельня. Моленная несколько раз перестраивалась и расширялась, а позже к ней добавили школу, больницу, сиротские дома. Община и все ее постройки в тот период существовала на пожертвования купцов Н. Артемьева, Б. Шелухина, С. Дьяконова, И. Хлебникова, Ф. Грязнова, Н. Иванова. [Крастелев 2010: электронный ресурс]

После выхода манифеста Екатерины II от 4 декабря 1762 года, разрешающим всем старообрядцам, бежавшим за рубеж от преследования за религиозные убеждения, вернуться в Россию, позиции Рижской общины значительно укрепились. В манифесте

говорилося: «Ея Императорского Величества указом всем живущим за границей российским раскольникам объявить, что им позволяется выходить и селиться особыми слободами не только в Сибири, на Барабинской степи и других порожних и отдаленных местах, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях на порожних и выгодных землях, где полезнее можно быть». [Календарь РПСЦ 2011: 40] В конце XVIII века Приток староверов в Ригу возрастает, в городе построен второй храм, а спустя некоторое время появляется и третий. «Рижское старообрядческое общество имело в это время три моленных. Главная молельня помещалась в Гребенщиковской богадельне, новая близ лютеранской церкви Спасителя на Спасской улице Московского форштадта, третья находилась недалеко от Покровского кладбища» говорил Е. В. Чешихин, многолетний редактор старейшего в Прибалтийском крае периодического издания на русском языке «Рижский вестник». Рижским староверам предоставили большую свободу в делах внутреннего правления, вся власть в старообрядческих общинах оказалась в руках купцов и крупных домовладельцев. [Крастелев 2010: электронный ресурс]

Особым периодом для Рижской старообрядческой общины будут двадцатые годы XIX века. Помимо больницы, богадельни, приюта для сирот при общине в 1829 году была основана школа, в которой насчитывалось 110 учеников. Н.С. Лесков, ознакомившийся с жизнью рижских раскольников отметил высокий уровень общинной жизни: «Крепость и процветание рижской староверческой общины, имевшей свои больницы, заводы, мызы и школы, когда их и помину уже не было в Москве, удивляло всех». [Крастелев 2010: электронный ресурс]

При правлении императора Николая I староверам пришлось тяжело – староверам запретили вести метрические книги, то есть их новорождённые дети могли быть зарегистрированы только в новообрядческой церкви, стало быть «у Антихриста». Моленный дом же в 1833 году был опечатан (то есть формально принадлежал староверам, а фактически пользоваться им запрещалось), и пробыл в таком состоянии больше полувека. Однако община благодаря своим купцам оставалась очень богатой, и «распечатав» храм в 1886 году, гребенщико́вцы быстро наверстали упущенное: моленный дом был надстроен ещё двумя этажами, став крупнейшим в мире старообрядческим храмом, вмещавшим до 5000 человек. Староверы не могли допустить, чтобы Законам Божиим их детей обучали священники другого вероисповедания, поэтому было решено создать свою школу, но тайную. Григорий Семенович Ломоносов немало средств вложил на содержание этой школы. Только при

императорстве Александра II отменяется крепостное право, постепенно смягчаются условия и отношение властей к староверию. Хоть и законы, ограничивающие староверов в правах, не отменяются, но волна репрессий ослабевает. [Крастелев 2010: электронный ресурс]

Николая Лескова с удовольствием приняло к себе семейство Тузовых – Аполлинария Петровна и ее муж Ион Федотович, проживавшие в доме по Московской улице, 45. В Риге чету Тузовых знали не только как представителей старинного купеческого рода, но и как подвижников русской жизни в краю латышей. Аполлинария Петровна Тузова была покровительницей Гребенщиковского училища и главой опекунского сиротского Совета. [Инфантьев 1999: 184 Руководители старообрядческой общины поселили Николая Семеновича у Тузовых неслучайно – они желали держать писателя под наблюдением. Сам Лесков прекрасно понимал намерение старообрядцев: «...меня перевезли на Московский фортштадт, но не особую квартиру, а в дом эконома Ионы Федотовича Тузова. Я не дал заметить, что понимаю мой почетный арест, и поселился жить под полицейским надзором моего хозяина». [Журавлев 2003: 8]

Изначально Лесков планировал длительную служебную поездку. Один только маршрут подразумевал посещение Твери, Ярославля, Костромы, Казани, Перми и Тюмени, на обратном пути с заездом в Поволжье. Командировка должна была занять примерно полгода, правда от таких грандиозных планов пришлось отказаться из-за отсутствия средств у министра, поэтому его маршрут сократился до Пскова и Риги. Как отмечает в своей работе «Остзейский смарагд в Лесковском ожерелье» Б.Инфантьев, Лесков тщательно подготовился к своей командировке и предусмотрительно заручился рекомендациями: «...министр народного образования Александр Васильевич Головнин свое письмо адресовал генерал-губернатору Лифляндского края князю Вильгельму Ливену. Сенатор М.Н. Турупов просил жандармского полковника Андрея Андрианова не чинить Лескову никаких препятствий». [Дмитриев 2010: 13]

Кроме того, рекомендации дали также петербургские и московские купцы. Они просили своих «рижских братьев по вере и по торговым делам» Никона Прохоровича Волкова, Захара Лазаревича Беляева, Петра Андреевича Пименова, Иону Федосьевича Тузова оказать Лескову любое содействие. Благодаря этим письмам Лесков, хоть и не сразу, сблизился с рижскими купцами-старообрядцами. «Самое веское из сих рекомендательных писем, – отмечает Лесков, – было от неизвестного мне рекомендателя и писано оно было на полоске синей толстой бумаги, вырванной из

переплетенной счетной тетради, а заключалось в следующей несложной редакции: «Сему верь» – а вместо подписи «слово-титло» (Бог весть, что оно означало)». [Журавлев 2003: 8]

С купцом второй гильдии Ломоносовым у Лескова моментально сложились теплые и дружеские отношения. Именно он и отвез писателя к семье Тузовых. За праздничным столом, Лескову посчастливилось подробно расспросить старообрядцев о ситуации, сложившейся на тот момент в Прибалтийском крае. Новые знакомые знали старообрядческие духовные книги, не забыли рассказы о староверских школах, по их словам, последнюю из которых по царскому указу закрыли в 1829 году. Как бы Лесков не пытался свести тему к тайным школам – его собеседники отшучивались или вовсе замолкали, говорили писателю подождать. «Погоди», – отвечали Лескову. «С летами все узнаешь». Все, что скрывалось от посторонних и обсуждалось только в узких кругах, теперь открылось и перед Лесковым. Собеседники также жаловались на унижения и притеснения во времена генерал-губернатора А.А. Суворова. Во время пребывания в Риге писатель знакомится и с лифляндскими православными кругами и с лютеранами из балтийских немцев, латышей, эстонцев. [Инфантьев 1999: 185-186]

Некорректные обвинения, последовали в сторону генерал-губернатора Остзейского края князю А.А. Суворову. Как выражался Лесков, тот выполнял «Иродову работу», приказывая отдавать беспризорных детей старообрядцев в кантонисты. Сам губернатор оспаривал это и говорил, что приводит в исполнение императорские распоряжения: «сирот из раскольников и малолетних бродяг, известных в Риге под именем карманщиков, зачислять в военные кантонисты», также распоряжался окрестить всех этих детей в православие. Как отмечает А.П. Дмитриев: «в глазах Лескова это «не по своей прихоти» не извинение, а скорее еще большее обвинение — только уже всему режиму, который и имеет в виду писатель, а вовсе не одному Суворову». [Дмитриев 2010: 16]

Николай Лесков отнесся к рассказам с сочувствием и пониманием. Это подтверждает послание, опубликованное в «Рижском Вестнике», к главе семейства Тузовых: «Любезный Иона Федосьевич! Бог, брат мой, терпел и нам велел. Есть раны, приносящие более чести, чем все ордена целого мира. Случилось Тебе понести обиды и оскорбления за правду и честную работу миру, - гордись этим, а не сетуй. Эта рана дорогая, и всякий честный человек ей поклонится...» [Инфантьев 1999: 186]

Лескову удалось завоевать доверие старообрядцев, и вскоре ему показали тайные школы. Вот как описал эту школу, расположенной по Московской, 43, Лесков: «Она помещается в трех очень небольших, но светлых и довольно чистых комнатах, за наем которых платит Ломоносов. В одной, самой большой из этих трех комнат, живет учитель, мещанин Маркиан Емельянов (по уличному прозвищу «Мáрочка») и его жена; во второй учатся мальчики, а в третьей девочки. В настоящее время в школе учатся двадцать два мальчика и одиннадцать девочек. Мальчиков учит сам Мáрочка, а с девочками, якобы под его наблюдением, занимается его жена. За обучение детей, так же, как и за наем школы, платит Григорий Семенович Ломоносов с каким-то участием Беляева... Найдет Ломоносов или Беляев скитающегося сиротку, погладит ребенка по макушечке и отошлет в школу, приговаривая: «Ходи, учись — умник будешь, человек будешь». [Гурин 2005: электронный ресурс]

Помимо сведений, которые удалось собрать в самой старообрядческой общине, Лесков получил доступ ко всем архивным делам генерал-губернаторской канцелярии по вопросам раскола – в этом ему помог барон В.К. Ливен, в тот момент действующий генерал-губернатор лифляндского, эстляндского и курляндского герцогств. По итогам поездки, Лесков составляет докладную записку, напечатанную отдельными брошюрами, для малого и секретного пользования. Записка оставалась недоступной для широко круга читателей и исследователей, что до недавнего времени сильно затрудняло само изучение вопроса о взаимоотношениях писателя с рижскими староверами. [Дмитриев 2010: 14]

Докладная записка имела большое значение для самого Лескова и активно повлияла на изучение вопроса немецкими учеными. Более того, лесковские материалы становились основой некоторых научных книг. К примеру, Лесков считал, что его отчет составляет третью часть книги бывшего дерптского профессора Ю. Эккарта «Буржуазия и бюрократия». Однако, в самом издании профессора Эккарта, изданном в Лейпциге (1870) материалы лесковского исследования составили самую малую часть от всей книги и легли в основу только 4-й главы («Из истории русского староверия в Риге»). [Дмитриев 2010: 15]

Сам отчет и последующие исторические очерки Лескова, несмотря на приводимые им ценнейшие архивные данные, были явно пронизаны личностной, субъективной и в каких-то моментах чересчур экспрессивной оценкой автора. Из-за этого все предоставленные факты, вошедшие в основу очерков, казались

недостовверными. После публикации докладной записки Лескова о бедственном состоянии староверов и в России стали говорить открыто. [Дмитриев 2010: 15]

Н.С. Лесков в своей заметке «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам» доказывал необходимость легальной школы для детей староверов. В школе детей обучали чтению, письму и арифметике. Контроль за школой вело ведомство Рижского Приказа Общественного Призрения, которая была под властью надзора местного директора училищ. Лесковым было отмечено, что правительство не обращало внимание на школу со дня ее основания, а с точки зрения старообрядцев – наибольшей значимостью она обладала, существуя как приют, в котором могли поселиться бедные дети с улиц. [Крастелев 2010: электронный ресурс]

Лесков требовал гуманного отношения к староверам, призывал сочувственно относиться к местному населению – латышам и эстам и сама политика «обрусения» в Прибалтике не вызывала у Лескова особых возражений. В 1840-х годах при массовом переходе крестьян в православие, вызванным кризисом лютеранства в Прибалтике, Лесков оценивает сложившуюся ситуацию как положительное явление, связанное не с побегом от лютеранства, а, напротив, тягой к православию.

В период 1870-1880-х годов, Лесков осознанно переоценил духовную основу и первым делом – вероучительную. Лесков начал присматриваться к североевропейскому народу, к их опыту, к их логически ясному лютеранству и созданию житейского уюта, спокойной, размеренной жизни в быту – как раз то, что требовалось автору в его увядающем возрасте. Как отмечает литературовед А. П. Дмитриев: «Этот опыт позволял оценить достоинства христианского общежития, на первый взгляд более благополучного и цивилизованного, нежели православнорусское». [Дмитриев 2010: 7]

Б. Инфантьев писал, что в одиннадцати номерах «Биржевых ведомостей» за 1869 год Лесков выступал как «неравнодушный летописец рижской староверской школы». Администрация города Риги прислушалась к статьям серьезного петербургского издания, не осталась к ним равнодушной и местная русская газета «Рижский вестник». Лесковское исследование по вопросу старообрядцев появилось в мартовском номере «Рижского вестника» в 1869 году. Генерал-губернатор Прибалтийского края А.А. Суворов с раздражением реагировал на огласку, поэтому рижскому генерал-губернатору П.П. Альбединскому предстояло выяснить каким образом Николаю Лескову удалось достать из правительственного секретного архива всю информацию и обнародовать ее. [Инфантьев 1999:187-188]

Таким образом, Н.Лесков, изучив проблемы рижских старообрядцев, не ограничился одной только докладной запиской министру и несколькими очерками, написанными «по горячим следам» своей командировки. Датировка очерков показывает, что и спустя пять лет после поездки в Ригу, писатель продолжает освещать проблему раскольников и предлагать пути ее решения. Неслучайно влиятельные рижане-старообрядцы, как пишет Б. Инфантьев, обратились к министру просвещения А.В. Головнину со словами: «В господине Лескове мы нашли человека нашего по сердцу и по мысли». [Инфантьев 1999:189]

Спустя пять лет, в 1874 году в журнале «Русский мир» (№56) был опубликован очередной лесковский очерк о гребенщиковских просветителях – «Пропавшая книга о школах», в котором рассказывалось о намерении Государственного Совета и некоторых высокопоставленных чиновников скрыть правду о рижских раскольниках. Полный текст секретного издания позднее напечатал А. Е. Бурцев в «Словаре редких книг и гравированных портретов» (1905). В литературном сборнике гребенщиковской общины «Златоструй» был напечатан этот лесковский текст, правда с небольшими правками, в 1990 и 1992 году. [Инфантьев 1999:188]

В личной библиотеке Николая Лескова имелись книги, присланные из Лифляндии – «Статистические сведения о состоянии Гребенщиковского училища со дня открытия 17 сентября 1879 года» и «Преподавание в Гребенщиковском училище, июля 1879 года». В этих отчетах имелись не только цифры и факты. Составители книг хотели уведомить Лескова обо всех своих невзгодах и проблемах, поделиться с ним всеми своими надеждами – старообрядцы не могли примириться с закрытием школ, поскольку это означало, что сотни детей будут «выкинуты на улицу» и, следовательно, обречены на нищету. Сам Лесков открыто осуждал правительственную систему и «корыстолюбивое духовенство». Писатель заявлял, что свободный выбор учителей и издание старообрядческих учебных книг только поможет снять напряжение между властями и раскольниками. [Инфантьев 1999:188]

Свое внимание писатель обратил и на недружелюбие архипастырей к латышам, обращенных в православие. Обучению латышей в православной семинарии протестовал иерарх Платон (Городецкий), а его последователь Филарет (Филаретов) заменял латышей-священников церковнослужителями из Российских губерний. По словам Лескова они оба не имели никакого представления об Остзейском крае и «не

потрудились (...) отрешиться от нежелательных особенностей своего быта». [Инфантьев 1999:192]

Вывод, сформулированный Лесковым в результате непосредственного знакомства с жизнью старообрядчества, его историей и архивными делами: «Мы ублаживали себя, что раскольники невежды, а их литература оказалась между тем богаче нашей; мы укрывались за правительством, надеялись на его силу, а эта сила привела нас к тому, что раскольники скрывались и бегали, притворялись православными и втайне пропагандировали раскол, когда им приходилось тяжело». И далее: «В развитии-то мы никогда не уступали раскольникам, которые и страдают собственно отсутствием развития. Но по части эрудиции были слабее их...» [Лесков 1958: т. 6, 453].

1.2 Лесков и остзейский вопрос

Пребывание в Остзейском крае отразилось и в творчестве писателя середины 1860-х - начала 1870-х годов. Лесков расширяет тематические границы, по-новому освещая «прибалтийский вопрос». Как отмечал краевед А.П. Дмитриев: «...в царствование Александра II проблема государственной целостности России в связи с ситуацией в Прибалтике представлялась вторичной по сравнению, скажем, с положением дел в Царстве Польском. В то время верховное правительство мягко смотрело как на устремленность остзейского дворянства к национально-культурной автономии, сопровождавшуюся «онемечиванием» не только туземного большинства (латышей и эстов), но и проживавших тут русских, так и на националистическое движение в недрах исконного населения края, важное как противовес насильственному доминированию германского меньшинства». Во время царствования Александра III, наоборот, новая охранительная политика потребовала «обрусения» края и превращение его в то же единое целое большой империи, какими были центральные губернии. [Дмитриев 2010: 11]

В период с 1882-1885 г. Лесков публикует целый ряд статей, связанных с русским вопросом в Прибалтике: «Иродова работа», «Русские деятели в Остзейском крае», «Унизительный торг», «Благословенный брак», «О рижских прелестницах и благословенных браках» и др. В основу работ легли исторические документы и сами рижские впечатления писателя. Впечатлений становилось все больше, так как писатель стал регулярно приезжать на курорты Эстляндии и Лифляндии. С возрастом Лесков

стал плохо переносить южную жару и длинные переезды, а прохладная Прибалтика более подходила по климату, да и добираться до нее было ближе.

В своем письме к приятелю и профессору Ф.А. Терновскому, Лесков писал «План моей поездки я изменяю совсем иначе: не хочу тащиться никуда далеко, а хочу только оставить город и переехать в место более спокойное, более свежее, зеленое, удобное для купанья и для работы на месте. Бог знает, увидишь ли еще что-либо подходящее, а между тем пропутешествуешь немало и без пользы, а купанье в море мне всегда приносило пользу, да и работается в этих тихих купальных городах прекрасно». [Дмитриев 2010: 6]

Летом 1875 года поехал в Париж поправить здоровье. Эта поездка также повлияла на его окончательный выбор в пользу Балтийского взморья. В своих письмах к русскому писателю и литературному критику А. П. Милюкову он жаловался на «истеричность и ханжество верующих во Франции». [Дмитриев 2010: 7] Изначально эти жалобы прозвучали в шуточной манере, а затем и открытым текстом в письме от 9 (21) июня: «...этот неумолчный шум и крик ужасно утомляет мои совершенно испорченные нервы». [Лесков 1958: т.10 400-401] И далее в письме от 12 (24 июня): «Возбуждения религиозного в настоящем смысле этого слова во Франции нет, а есть ханжество — некоторое церковное благочестие, напоминающее религию наших русских дам, но это столь мне противно и столь непохоже на то, что я желал видеть, что я, разумеется, и видеть этого не хочу. Вообще идеал нации самый меркантильный и низменный, даже, можно сказать, подлый, за которым это благочестие, конечно, всегда легко уживается». [Лесков 1958: т.10 406-407]

Именно поэтому свое предпочтение писатель отдает курортам Эстляндии и Лифляндии. С 1879 года Балтийское взморье становится излюбленным и часто посещаемым местом писателя в летний период. К 1879 году у Лескова появляется мысль о посещении летом Либавы (Лиепая). В тот год он со своими племянниками Николаем и Михаилом Бубновыми снимает комнаты в Карлсбаде (Пумпури). Писатель приехал на Рижское взморье отдохнуть, прихватив свежие экземпляры своей новой книги «Мелочи архиерейской жизни». Пребывание в Карлсбаде Лесков описал издателю журнала «Русский рабочий» Марье Григорьевне Пейкер:

«Место тихое, обитаемое «литератами» – людьми мне известными. Все дачи в сосновом лесу, грунт песчаный, море мелкое и мало соленое; живу в Анцен-Гаузе. Это длинный, как фабрика, дощатый сарай с окнами. Посередине идет коридор, и по обеим

сторонам кельи, из которых из одной в другую все слышно, так что надо чихать и сморкаться с осторожностью, которой немецкие «литераты», к сожалению, напрасно не соблюдают». [Лесков 1958: т.10 461]

Карлсбад тех лет славился не только своей тишиной и удаленностью от шумных Майоренгофа и Дуббельна, но и дешевизной. Карлсбад выбирали художники, музыканты, учителя гимназий, журналисты и писатели. Как написано в путеводителе по Рижскому взморью, «местность эта, где еще повсюду видны хижины рыбаков, огороды, пашни и поля, дает возможность посетителям созерцать природу в ее совершенной простоте и находить успокоение, наслаждаясь скромной сельской жизнью и пользуясь в то же время морскими купаниями».

Хозяин пансиона в Карлсбаде — отставной прусский унтер-офицер Регезель. Владелец дешевого пансиона был горд тем, что замечательный романист из Петербурга поселился в его скромном жилье: «Дуббельн славен Гончаровым, а мой Акцен-Гауз - Лесковым». [Инфантьев 1999:193] Новыми знакомыми и соседями писателя оказываются остзейские литераторы и представили других гуманитарных профессий.

В свою очередь Николай Лесков остался недоволен пансионом Регезеля: «Живу я «на харчах у немца», и харчи эти очень плохи. Прислуга не говорит ни на каком человеческом языке. А только издает какой-то утиный шелест вроде «туля сзя сипу липу како пули мостэ пай». Скуки здесь вдоволь, а грубо циничного немецкого разврата еще более. Немецкие Дианы охотятся по лесам, поражая грубый пол своими стрелами, а людей бестолковых бьют зонтиками, что уже и со мной случилось...». [Лесков 1958: т.10 461]

В 1880-х годах Лесков все больше начинает симпатизировать к рижским старообрядцам, которые кажутся ему особенно близкими к протестантам-лютеранам. Писатель все больше разочаровывается в отеческой религии, считает истинными христианами русских раскольников, а не прихожан господствующей Церкви. За два десятилетия его взгляды заметно эволюционируют и на все события он смотрит уже не так, как после служебной поездки 1863 года. Нередко писатель наделяет героическими чертами старообрядцев, отстаивающих свое человеческое достоинство, в своих произведениях и очерках.

Во время его отдыха в Карлсбаде завершается его документальная проза: «Архидерейские встречи», «Запретная печать», «Дети Каина», заново переработан

этиод «Честное слово», составлена докладная записка для Ученого комитета Министерства народного просвещения «О преподавании Закона Божьего в народных школах». Тогда же создаются такие известные рассказы писателя как: «Однодум» и «Шерамур». Главное действующее лицо вышеупомянутого «Шерамура» - русский купец из Риги.

Через шесть лет Лесков вновь приезжает на Рижское взморье уже на два месяца, но на сей раз выбирает Дуббельн. Сын писателя вспоминал, что Лесков вновь выбрал Рижское взморье, так как разочаровался в знаменитом австрийском Мариенбаде: «соотечественников бездна и все отвратительные пустельги, ... дамские гонения не устают, но я уже махнул рукою, потому что все равно работать нельзя, да и скрыться некуда. Здесь им делать нечего от скуки». [Лесков 1984: 276]

Интересно, что Мариенбад Лесков покинул, несмотря на то, что там он был окружен небывалым почтением и вниманием: немцы жадно прочитали книгу Бокка «Гражданство и администрация в России», которая на треть была составлена из перевода лесковских статей об остзейском крае и сопровождалась большими похвалами за «благородное беспристрастие и справедливость» (в письме к С.Н.Шубинскому от 11\23 июня 1884 года цит.по книге А.Лесков» Жизнь Н.Л.» с.280). [Лесков 1984: 280]

В 60-е годы в Прибалтике начинаются реформы, которые получили название «русификации». Для реализации реформ в массовом порядке стали прибывать новые русские чиновники. Любопытно, что приезд русских чиновников вовсе не размыл устоявшиеся в Прибалтике устои и не поколебал обособленность немцев, которые по-прежнему считали себя хозяевами края и на приезжих смотрели свысока.

«Русские чиновники прибалтийских провинций к обществу не принадлежали; отношения с ними не поддерживались, так что они были обречены на общение друг с другом, поскольку и чиновники из местных с ними тоже не водили сколько-нибудь близкое знакомство, - писал поэт и переводчик Ганс фон Гюнтер в своих воспоминаниях “Жизнь на восточном берегу. Между Петербургом и Мюнхеном”. [Гюнтер 2014: электронный ресурс]

Ганс фон Гюнтер - прибалтийский немец, родом из Митава (ныне Елгава), где его отец служил начальником местной тюрьмы, а прадед занимал пост бургомистра Туккума (ныне Тукумс). Воспоминания Г. Гюнтера, опубликованные в Германии в

конце 60-х годов можно назвать уникальными не только потому, что они уже давно вошли в обиход специалистов по русской литературе Серебряного века, но и потому что подобных мемуаров, рассказывающих о жизни прибалтийских немцев, практически не сохранилось. Ганс фон Гюнтер дал любопытную оценку многонационального прибалтийского края. По его словам, прибалтийские немцы не жаловали ни русских, ни латышей, и вообще никого кроме немецких прибалтов. Происхождение, и состояние, и то положение, которое они занимали, позволяли им в этих провинциях чувствовать себя хозяевами в собственном доме:

«Прибалты жили вообще довольно замкнуто, общение происходило только внутри собственного сословия: так, дворяне не желали знаться с так называемыми «литераторами», как они именовали всех людей с образованием — пасторов, адвокатов, врачей, учителей. А «литераторы» в свою очередь не общались с купцами. С латышами в принципе никто не общался. Так возникали сугубо замкнутые общества. И невест себе находили исключительно в собственном кругу, а с прочими поддерживали лишь чисто формальные отношения». [Гюнтер 2014: электронный ресурс]

Лето 1886-1889 годов Лесков проводил на острове Эзель (Сааремаа) в городе Аренсбурге. Близко познакомился с эстонскими рыбаками, немецкими бюргерами, купцами и ремесленниками, пасторами и врачами. В петербургских газетах опубликовались девять очерков на волнующие и довольно острые проблемы общественно-религиозной тематики. В одной из них Лесков объясняется в любви к Прибалтике: «Любя удобные и многополезные местности Балтийского побережья и имея там достойных уважения друзей между местными жителями немецкого происхождения, я посещаю «шtrand» в течение двадцати лет...». [Дмитриев 2010: 76] В этой заметке, а также в ряде других, Лесков писал о порядках, установившихся на судах Рижского общества пароходства, о хамском и жестоком отношении к русским и эстонским пассажирам со стороны немецкого экипажа. Весь экипаж демонстрировал свое расовое превосходство.

Лесков тут же столкнулся с обвинениями в предвзятости к представителям германской нации. Писатель был вынужден объясниться: «...немецкую национальность я уважаю как культурную национальность, давшую миру людей превосходного ума и талантов. Кроме того, я уважаю и достоинства немецких характеров, и другие национальные добродетели немецкого племени <...>. Кто говорит, что я „ненавижу немцев“, тот меня вовсе не знает и говорит на ветер». («Еще об

одичалых мореходах, с.2») О предубеждениях немцев против русских писатель говорил, что рижским же капитанам «надо смиренно каяться перед оскорбленными их пошлою грубостью людьми великого государства, властного чувствительно наказать наглецов, оскорбляющих граждан русского происхождения <...> надо смирить свою необузданную наглость и поспешить исправиться...» («Еще об одичалых мореходах, с.2») Предубеждения взаимны, и преодолевать их надо с двух сторон.

В одном из своих очерков от 1888 года Н.С. Лесков защищает русское присутствие в Прибалтике: «Говорят у нас часто и много, о том, что в Прибалтийской окраине русским людям будто нет никакого дела, а меж тем, когда здесь открываются дела как раз того рода, в котором русские давно известны своим искусством и познаниями, оказывается, что на эти-то самые дела и не находится охотников! Вот это и странно и это совсем не делает чести русской предприимчивости». (Аренсбург. Дачная жизнь, с 2) [Дмитриев 2010: 78]

Последним балтийским годом Лескова считается 1888 год, резко прервались его лифляндские и эстляндские маршруты. «К немцам своим не поеду, - пишет писатель в своем письме к В.Черткову. - Их теперь «русифицируют», а я терпеть не могу быть при таких операциях» [Лесков 1958 т.11: 426]. Как уже было упомянуто ранее, похожие мысли Лесков высказывает сестре Ольге Степановне Крохиной. Таким образом, неприязнь к немецкому национализму не помешала Лескову критично оценивать и реформы правительство по «обрусению» этого края. Высокомерное отношение правительственных чиновников, насильственное обрусение балтийцев Лесков показывает в рассказе «Загон».

1.3. Лесков и Остзейский суд

Как вспоминал сын Лескова Андрей Николаевич Лесков: «В древней русской Кольвани, в немецком парке Екатеринталь, была нанята прекрасная дача, и "святое семейство" зажило со всеми удобствами». Андрей Лесков также упоминает о хорошем, «подчеркнуто сухом, но и подчеркнуто вежливом» отношении местного населения: бароны и бюргеры были заинтересованы в сдаче своих домов москвичам и приезжим курортникам из Петербурга. Так проходит половина лета, до начала франко-прусской войны: «Шовинизм русско-немецких "двуподданных" растет, обгоняя ошеломившие весь мир успехи немецкого оружия». Отношение к людям, говорящим по-русски на улицах русского города, становится невыносимым – бароны и бюргеры любого возраста позволяют себе все более и более жестокие выходки. [Лесков 1984: 324]

Особый интерес представляет судебный процесс над Лесковым в Эстляндии. Писатель и его ревельский знакомый – чиновник Эстляндского губернского правления, кандидат прав, А.И. Добров - заглянули в курортный «Салон» и за просмотром последних номеров газет услышали обидный, затрагивающий русскую честь, разговор трех немцев. Конфликт состоялся между Лесковым и Добровым с одной стороны и дерптским студентом, гимназистом-старшеклассником и канцелярским чиновником – с другой. Трое немецких аристократов обсуждали только что вышедшей в немецком переводе «Дым» Тургенева, высказывая, что роман написан не только о крахе реформ 60-х годов, но и о том, что все в России вскоре «развеется как дым», а потом заспорив с Добровым, что «у русских нет чести». Так об этом инциденте спустя десятилетия рассказывает сын Николая Лескова: «На просьбу прекратить провокацию забияки, учтя превосходство сил, предпринимают заведомо обреченное на успех наступление. Писатель был горяч во всем и, упредив “агрессоров”, впечатляюще остужает их пыл тяжелым курзальным стулом». [Лесков 1984: 324-325] Однако, в «Рижском вестнике» за 1872 в номерах 275 и 276 можно найти другую интерпретацию происшедшего в «Салоне» - Добров сам проучил дерзкую компанию, а Лесков на следствии выступил в роли свидетеля.

На следующее утро к Лескову приехали два почтенных барона «в наглухо застегнутых сюртуках, цилиндрах и корпоративных ленточках». Лескова дома не оказалось, он отправился к ревельскому губернатору М.Н. Галкину-Враскому, с которым был лично знаком, поведать о сложившейся ситуации, об отражении им нападения и дальнейшем развитии события.

Как рассказывает сын Лескова: «Парламентеры, крайне неохотно, почти безглаголиво, перейдя с нашей Пашей на русский язык, долго и невразумительно изъясняли ей, что им крайне необходимо говорить “zu sprechen с господин Лескофф, mit Herrn Leskoff, по ошень важный дель...” <...> [Лесков 1984: 325]

Возвратившись домой, Н.С. Лесков расхохотался и сказал, что с обидчиков хватит и пары-тройки ударов стулом, о никакой дуэли и речи быть не может: «Дуэли так и не вышло, но вместо нее оскорбленное в собственной Остзее ревельское баронство вчинило в эстляндском рыцарском средневековом суде “уголовное дело”. Это судилище угрожало потом в своих вызовах причинить русскому обвиняемому многовидные «законные вреды» - термин остзейского судебного наречия. Лесков накануне слушания публикует одноименную статью, в которой автор подробно

расписал всю картину эстляндского суда над ним самим, подвергнувшись нападению со стороны остзейских «двуподданных». [Лесков 1984: 325]

Несмотря на то, что именно немцы спровоцировали драку, в которой участвовал только спутник Лескова – Добров, они свалили всю вину на русских, объявив квартальному, что те были нетрезвы. Рассмотрение дела растянулось на три года из-за того, что отдельные законы Эстляндии расходились с законами, по которым жила вся остальная Российская империя. Дело разбиралось даже в Правительствующем сенате. Слушание было назначено на 1 декабря 1872 года. Председателем был сенатор А.Х. Капгер, заседали - И. И. Розинг, П. Н. Клушин и Н. П. Семенов, при обер-прокуроре бароне Ф. Н. Корфе. Только трое из пяти немецких участников оказались балтийцами, преимущество снова было на немецкой стороне. [Шор 2016: электронный ресурс]

Долгое судебное разбирательство объясняется, возможно, и тем, что Н.С. Лесков, адресованные ему вызовы в полицию на немецком языке, отправлял обратно с настоятельной просьбой обращаться к нему только на русском. Составители государственных бумаг не захотели идти на уступки. [Шор 2016: электронный ресурс]

Исследовательница Н.Ю. Данилова, изучавшая в Российском государственном историческом архиве сенатское судебное дело Н.С. Лескова, выявила, что в деле имеются не только жалобы на автора, но и объяснения, предоставленные Сенату Эстляндским судом. Из этих объяснений можно выяснить, что суд считал виновными во всем случившемся именно Лескова и Доброва, ведь именно они «напали на гг. Мейера, Геппенера и Винклера», «оскорбили их словом и действием при отсутствии всякого данного с их стороны повода». Частный надзиратель Храдецкий подал рапорт в Эстляндское губернское правление, сообщив, что Лесков в ту же ночь «оскорбил его самым грубым образом словами и действием при исполнении им обязанностей службы». В обвинительном заключении фигурировал также «мнимый донос» на немцев, которые якобы с неуважением и оскорблением отзывались о государе императоре. Из всего этого исследовательница делает вывод, что все обвинения против Лескова не были беспочвенными. [Данилова 2010: 75—76]

Первое решение по этому делу было вынесено Ревельским судом только 21 февраля 1874 года. Лескова признали виновным по трем пунктам: ударил А. Мейера палкой, оскорбил А. Мейера, К. Винклера и В. Геппенера словами и действиями, оскорбил квартального надзирателя А. Градецкого, а также не выполнил распоряжение губернского правления явиться в срок, согласно его подписке. Принимая во внимания

все эти три пункта, автора приговорили к шести неделям тюремного заключения. Это решение было оспорено в Сенате, в апелляции Лесков также оспаривает присужденный ему приговор. Начинается следующий этап расследования, в ходе которого срок сокращают до трех недель и возвращение денег Лескову залоговых денег за пересмотр дела. До сих пор не ясно, отбыл ли свой срок автор или нет. Дело трехгодичной давности заканчивается «какими-то пустяками», по словам Андрея Лескова, «вроде небольшого штрафа, но свою долю нервной трепки стоило».

Именно тогда Лесков впервые сталкивается с оскорбительными для русского человека проявлениями немецкого национализма. Столкновение запоминается Лескову на всю жизнь и национальную неприязнь петербургский писатель осуждает в своих статьях («Законные вреды», «Подмен виновных») и очерках («Смех и горе», «Железная воля»). На примере очерка «Смех и горе», в предпоследней его главе, читателю предоставляются ко вниманию следующие строки: «Я утешаюсь хоть тем, что умираю... между тем как тебя соотечественники еще только предали на суд... за недостаток почтения к... немецкому студенту, предсказывавшему, что наша Россия должна разлететься, "wie Rauch"». [Лесков 1984: 326] Лесков адресовал эти строки не только немецким обидчикам, но и эстляндскому губернатору Галкину-Врасскому, который имел большие связи в Петербурге и либо не хотел, либо попросту не сумел оказать влияние на судебный процесс, чтобы не довести его до столь большого резонанса в среде эстляндских меченосцев.

В своей заметке «Еще об одичалых мореходцах» (1886), писатель вспоминал: «В Ревеле, я надеюсь, и теперь еще при милости Божией пользуются добрым здоровьем три дворянина, которые десять лет кряду доказывали в разных судилищах, что будто я привел всех их трех к одному знаменателю». Показательно, что даже после случившегося Лесков говорил, что никакой неприязни не чувствует к другим нациям.

А. Н. Лесков вспоминает о несколько похожем случае, о котором ему рассказывала еще его мать. Действие происходило в те же годы в Петербурге. Несколько знакомых собрались провести приятный вечер в популярном в то время месте - увеселительном саду Излера. Компания столкнулась с нехваткой мест, женщин оставили охранять единственный свободный столик и прилегающий к нему стул, мужчины же бросились на поиски. Первым со стулом вернулся Николай Лесков, пока тот шел до их столика, «какой-то развязный господин задумал было захватить у дам их стул». После краткого диалога, в ходе которого найденный Лесковым стул «выполнил

ту же службу, как и в ревельском "Салоне"», ситуация все же разрешилась. Но как верно подмечает сын автора – «в развитии дела сказалась огромная разница: на столично-отечественной почве никто не предъявил никаких претензий, и все обошлось без разбора дела хотя бы у "мирошки", как в просторечии называли тогда мировых судей». [Лесков 1984: 326-327]

Как уже было сказано, происшествие в Ревеле нашло отражение во многих работах Н.С. Лескова. Шесть лет спустя он издает «Железную волю». Повесть начинается со спора о немецкой выдержанности и силе воли, о русском характере, полном лени, вальяжности и беспечности. Это повесть о немце, приехавшем в Россию по приглашению двух англичан, «чтобы стать господином для других», «уже заранее изловчавшемся произвести в России большие захваты». В конце концов он погиб скорее из-за своей нелепо проявившейся «железной воли». Еще через десять лет появляется статья, построенная на всенародном, политическом скандале о наглости русских немцев, проявлявшейся против русского воинского знамени и церковного служения. В основу статьи легли документальные данные, к заглавию автор предложил несколько вариантов, которые не понравились редактору журнала: «Политический grosфатер в Вейсенштейне», «Площадной скандал», «Всенародный grosфатер», «Дурной пример». [Лесков 1984: 327]

В статье описывается произошедшее в эстонском городе Вейсенштейне в 1867 году, на площади, во время служения молебна. После покушения на жизнь покойного государя Александра Николаевича 4-ого апреля 1866 года, было принято решение в этот день служить за спасение императора. В одних местах молебны служили прямо в храмах, а в других старались проводить их более торжественно – на площадях, с большим скоплением народа и с военным парадом. В тот день на площади был выстроен батальон пехотного полка, поставлен аналой, к нему вынесли знамя. Немцы, вышли из своих домов и начали не без любопытства наблюдать за происходящим на площади. Один из бюргеров, выйдя на крыльцо своего дома «высоко поднял встречу солнцу огромную кружку и, как бы определяя на глаз, сколько в ней пива, в полное подражание церковному многолетию, громко затянул: "Многго ли... мно-огго ли этто?"». Вслед за ним подтянулись и другие, «не слишком твердою походкой направляется он через весь плац к стоящему перед аналоем паникадилу, закуривает от его свечей свою гамбургскую сигару и победно отмаршировывает к дико вопящим от восторга своим компатриотам». В эстляндском суде вся вина возложена не на немцев,

проявивших свою невоспитанность, а на командира батальона, что приводит к подмену виновных. [Лесков 1984: 327-328]

А.Н. Лесков отмечает, что «до более пристального ознакомления с положением дел в Остзее Лесков однажды несколько иначе отнесся к этому происшествию, в корне переоценив его характер и значение только в более поздние годы».

Позднее, уже в 1870 году создается очередной рассказ под названием «Колыванский муж», рассказ, наполненный недоверием к мудрости славянофилов и признанием навыков и хитрых приемов немцев. Русско-остзейские отношения теперь становится не только темой лесковских газетных публикаций и очерков. Обращая внимание на подзаголовок рассказа, видим: «Из остзейских наблюдений». Андрей Лесков говорит о том, что его отец не скрывал, что это было «иронией и в первую голову на И.С. Аксакова». Автор прокладывает путь читателя по лифляндским городам, взморским курортам, балтийским островам. Приводит его в Ревель, Ригу, Аренсбург и Поланген, Дуббельн и Майоренгоф. В этом рассказе точно прослеживается отрицательное отношение к «обрусению» и «онемечиванию» эстонцев, русских, латышей. В классической русской литературе XIX века не было еще произведения, где бы были описаны и осмыслены русско-остзейские отношения. [Лесков 1984: 328-329]

Выводы

С Прибалтикой Лесков в 1862 году, когда приехал в командировку, чтобы увидеть тайную школу местных староверов. Власти не разрешали староверам легально иметь такое учреждение, хотя в первой четверти XIX столетия рижские староверы поражали воображение окружающих самоорганизацией: у них имелись своя больница, богадельня, мастерские, школа. Н.Лесков, изучив проблемы рижских старообрядцев, не ограничился одной только докладной запиской министру и несколькими очерками, написанными «по горячим следам» своей командировки. Эта тема послужила основой для целого ряда художественных произведений.

Николай Лесков закончил свою статью о рижских староверах призывом открыть для них старообрядческую школу, качество обучения в которой контролировалось бы властями. Он утверждал, что появление таких школ не представляет никакой опасности. В 1873 году школа вновь открывается.

Пребывание в Остзейском крае отразилось и в творчестве писателя с середины 1860-х годов. Лесков расширяет тематические границы, по-новому освещая «прибалтийский вопрос». В период с 1882-1885 г. Лесков публикует целый ряд статей, связанных с русским вопросом в Прибалтике: «Иродова работа», «Русские деятели в Остзейском крае», «Унизительный торг», «Благословенный брак», «О рижских прелестницах и благословенных браках» и др. В основу работ легли исторические документы и сами рижские впечатления писателя.

С 1879 года Балтийское взморье становится излюбленным и часто посещаемым местом писателя в летний период. В тот год он со своими племянниками отдыхает в Карлсбаде (Пумпури) и обогащается новыми впечатлениями о местных жителях и местных нравах.

В 1886-1889 годах Лесков опубликовал в петербургских газетах опубликовались девять очерков на волнующие и довольно острые проблемы общественно-религиозной тематики. В одной из них Лесков объясняется в любви к Прибалтике: «Любя удобные и многополезные местности Балтийского побережья и имея там достойных уважения друзей между местными жителями немецкого происхождения, я посещаю «штрэнд» в течение двадцати лет...». [Дмитриев 2010: 76] В этой заметке, а также в ряде других, Лесков писал о порядках, установившихся на судах Рижского общества пароходства, о

хамском и жестоком отношении к русским и эстонским пассажирам со стороны немецкого экипажа. Весь экипаж демонстрировал свое расовое превосходство.

Последним балтийским годом Лескова стал 1888 год, когда резко прервались его лифляндские и эстляндские маршруты. «К немцам своим не поеду, - пишет писатель в своем письме к В.Черткову. - Их теперь «русифицируют», а я терпеть не могу быть при таких операциях» [Лесков 1958 т.11: 426]. Как уже было упомянуто ранее, похожие мысли Лесков высказывает сестре Ольге Степановне Крохиной. Таким образом, неприязнь к немецкому национализму не помешала Лескову критично оценивать и реформы правительство по «обрусению» этого края. Высокомерное отношение правительственных чиновников, насильственное обрусение балтийцев Лесков показывает в рассказе «Загон».

В 1870 году Лесков начинает работать над рассказом «Колыванский муж». Русско-остзейские отношения теперь становится не только темой лесковских газетных публикаций и очерков.. В этом рассказе точно прослеживается отрицательное отношение к «обрусению» и «онемечиванию» эстонцев, русских, латышей. В классической русской литературе XIX века не было еще произведения, где бы были описаны и осмыслены русско-остзейские отношения. [Лесков 1984: 328-329]

Глава 2. Анализ рассказа Н.С. Лескова «Колыванский муж»

2.1. «Колыванский муж». Сюжет и проблематика.

Рассказ «Колыванский муж» был написан Н.С.Лесковым в 1888 году и посвящен «странным», с точки зрения русского человека, порядкам, царившим на территории Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Главный герой рассказа - офицер из калужских дворян Иван Сипачев послан в Балтию «утверждать русское начало». Герой отправляется в Эстляндию, которая с 1721 года стала российской губернией, но тем не менее там все еще существовал особый правовой режим, отличный от общероссийской государственности - сохранились привилегии немецких баронов, господствовал немецкий язык, лютеранство, существовал свод немецких законов.

Столица этой губернии город Ревель в древнерусских документах еще с 13 века носила русское название Колывань и сохранила это название в народной памяти и спустя пятьсот лет. Неслучайно Н.С. Лесков назвал рассказ именно «Колыванский муж», используя старое русское название, а не «Ревельский муж», подчеркивая таким образом то, что речь идет о российском городе – и ранее, и в данный период.

Русский офицер Сипачев, попадая в Ревель-Колывань, женится там на немке. Жена рождает детей и рождает каждый раз в отсутствии мужа, нарекая их немецкими именами и регистрируя у лютеранского пастора вопреки закону тех лет, требующему, чтобы детей от смешанных браков крестили в православной вере. Комическая история превращения русских детей в немцев была, очевидно, типичным явлением в жизни остзейского края. Во всяком случае, эта тема неоднократно звучала в русской периодической печати задолго до написания «Колыванского мужа».

Так, например, в статье «Отзыв рижского петропаловского братчика о мнимовероисповедном вопросе прибалтийских губерниях» упомянуто: «Даже уступки со стороны православной церкви не укрощают, а только поощряют врагов русского православия еще к большей заносчивости. При совершении в прибалтийских губерниях браков между православными и протестантами отменено требовать подписки о воспитании в православной вере детей, имеющих родиться от сих браков. Теперь многие пасторы стали крестить через своих агентов не только таких детей, но даже и тех у коих оба родителя православные. Слыша и видя все это, мы, русские,

сокрушаемся и чувствуем, что в обидах, чинимых православию, выражается неприязнь не к православию только, но и к нам, к русскому народу, к русскому имени вообще, и от кого же? От людей, осыпанных и осыпаемых благодеяниями русского правительства». [Батюто 1958:612]

Возможно, Лесков читал эту статью в журнале «Москва» от 1867 года, либо читал другие статьи на эту тему и наверняка слышал такие истории во время своего пребывания в Остзее. Как уже было упомянуто, Н.С. Лесков неоднократно бывал в Лифляндии и Эстляндии и автобиографическое начало напрямую связано с образом рассказчика, который поясняет, что ему хорошо знакомы эти западные губернии Российской империи: «Из городов Балтийского побережья я был 4 сезона в Ревеле, 4 – в окрестностях Риги и 3- в Аренбурге, на острове Эзель». [Лесков, т.8, 1958: 390]

Повествование рассказа также неслучайно отнесено к 1869-1870 годам. Как уже было упомянуто ранее, летом 1870 года Лесков и его ревельский знакомый – чиновник Эстляндского губернского правления, кандидат прав, А.И. Добров – были втянуты в драку с местными немцами, которые оскорбительно отзывались о русских в курортном «Салоне» Екатериненталя. Таким образом, в рассказе «Колыванский муж» сливается документальное и художественное начало, что позволяет автору придать достоверность вымышленному сюжету и вымышленным героям.

Интересно, что в «Колыванском муже» Лесков использует композиционный прием «рассказа в рассказе», что дает возможность рассказчику одновременно быть и наблюдателем, и соучастником происходящих событий. Такое композиционное решение позволяет со стороны посмотреть на заявленную проблему и представить несколько точек зрения. Кроме того, повествование все время ведется от первого лица, и этот прием придает рассказу особую эмоциональность, убедительность и достоверность.

Повествование начинается от лица рассказчика, приехавшего на отдых в Ревель(ныне – Таллин), где он поселился с племянниками на даче в Екатеринентале (ныне - Кадриорг), излюбленном месте отдыха местных и приезжих аристократов. Роль экспозиции играет описание тихого живописного курортного местечка: море, роскошный парк и небольшие деревянные домики, выкрашенные в серый цвет. В

одном из домов жила влиятельная княгиня Варвара Алексеевна Горчакова, чья дача стала салоном, в котором встречались как «истинно русские люди», так и местные немецкие бароны. «Все наперебой старались быть искательнее один другого, но отнюдь не все знали, на что им это годится и вообще может ли это хоть на что-нибудь сгодиться», - описывает Лесков атмосферу, царившую в высшем обществе Ревеля, когда и новые хозяева края, и старые демонстрируют радушие, даже заискивают друг перед другом в надежде снискать благосклонность и добиться какой-нибудь милости в случае, если установившееся равновесие качнется в одну или другую сторону. [Лесков, т.8, 1958: 391]

Рядом с домом княгини Горчаковой и снял несколько комнат на втором этаже старой дачи рассказчик: «близко парка, близко купален, близко «салона» и недалеко от дома губернатора, к которому я тогда был вхож». Как известно из биографии Лескова – он вместе со своим семейством, сыном и племянниками, нанимал в 1870 году дачу там же, в Екатеринентале. [Лесков, 1958, т.8:390].

По сюжету рассказа нижний этаж дачи сняли другие жильцы – немки: мать и дочь с тремя детьми. Как шепталась прислуга, немки были баронессами, да такими заносчивыми, что никогда не отвечали на поклоны и не говорили ни слова по-русски. Если в салоне княгини Горчаковой немцы и русские старались быть «искательными», то отношения с баронессами у рассказчика не заладились с первого дня: «немки» демонстрировали свое превосходство и добивались привилегий, пусть даже и в бытовых вопросах. К примеру, они не желали делить с русскими соседями общий сад. Хозяйке дома дамы заявили, что их дети «не могут играть в одном саду с русскими детьми». [Лесков, т.8, 1958: 391]

Рассказчик наблюдал этот спор из окна своей комнаты и, чтобы положить конец тяжелой сцене, решил отказаться от сада – из-за младенца, который был у молодой дамы. Баронессы, чтобы окончательно закрепить за собой победу, повесили замок на дверцу в сад. Это возмутило не только прислугу, прозавшую обеих дам «язвительными немками», но даже хозяйку – онемеченную эстонку, которая призывала пострадавшего писателя «требовать свои права». [Лесков, т.8, 1958: 392] Тот не поддался «злomu внушению», демонстрируя выдержку и снисходительность, хотя его

собственные дети вынуждены были играть в общественном парке: «Победа была за немками, и никто не покушался у них ее оспаривать». [Лесков, т.8, 1958: 393]

Жизнь дачников потекла тихо и спокойно, но через несколько дней вдруг разразилась настоящая буря. Завязкой действия становится приезд молодого красивого морского офицера, который устроил настоящий скандал: кричал всякие русские слова, которые даже прислуга не решалась повторить, швырял стулья, а потом выгнал из дома обеих дам с малюткой на руках и заперся в комнатах со старшими мальчиками. Окружающие возмутились поведением «варвара», посоветовали пострадавшим дамам вызвать полицию, но те отказались, сказали, что «у него это пройдет». Рассказчик, несмотря на недавний конфликт, любезно предложил дамам переночевать в его гостиной, а наутро познакомился и с молодым офицером, который ждал его в саду, чтобы извиниться.

Офицер оказался русским дворянином Иваном Сипачевым, его исповедь и стала главной сюжетной линией рассказа. Странное поведение немецкого семейства, как впоследствии понял автор, «носило отчасти политический или национальный характер» [Лесков, т.8, 1958: 397]. Русский офицер Сипачев по стечению обстоятельств попал не только в чужой немецкий край, но в немецкую семью. За его плечами был унижительный фиктивный брак, из-за которого он пытался застрелиться, поэтому московский дядя Сипачева – славянофил и старый холостяк - посоветовал племяннику уехать в Ревель, где есть какая-то «морская служба». Имелась там и хорошая знакомая – баронесса Генриетта Васильевна, «замечательно умная, очень образованная и очень добрая женщина, с прямым и честным характером», и как все немцы «всегда со связями». [Лесков, т.8, 1958: 406]

Баронессе было отправлено письмо, и она с большой отзывчивостью отнеслась к страданиям молодого Вертера-Сипачева. Баронесса действительно была со связями и попросила за Сипачева своего брата барона Андрея Васильевича Z, начальника того самого морского ведомства, от которого зависело получение места. Сипачев ответил баронессе, не скупясь на благодарности, завязалась переписка, которая его вернула к жизни: после двух неудачных законных браков и одного фиктивного он считал, что жизнь его погублена. Нежные материнские письма баронессы с такими же нежными

приветствиями от двух ее воспитанниц - дочери Лины и племянницы Авроры, были адресованы «милому Ване». [Лесков, т.8, 1958: 409]

Перед отъездом отец, дядя и даже писатель Аксаков, к которому повели Ивана, предостерегали его: «немцы нашего брата русака любят переделывать», «нашу настоящую русскую суть не позволяй из себя немцам выкуривать». [Лесков, т.8, 1958: 410] Насчет женщин его родные были уверены, что после всех его неудач на личном фронте предостерегать его нечего и «самая хитрая немка больше спутать не сможет» [Лесков, т.8, 1958: 411]. Напутствием молодому офицеру стали слова лидера славянофильского движения Аксакова: «Шествуйте и сразу утверждайтесь твердой пятой. Мы должны быть хозяевами на Колыванском побережье. Ревель – это наша старая Колывань!» [Лесков, т.8, 1958: 411]

Сипачев, стремившийся только к тому, чтобы «свободно вздохнуть и оправиться», спешил в Ревель не «утверждать русское начало», а встретиться с новыми «колыванскими друзьями». Когда Иван впервые переступил порог дома баронессы Генриетты Васильевны, ему показалось, что он «вступил в рай и встретил ангелов». [Лесков, т.8, 1958: 412] Гостеприимные хозяева встретили его как родного: он никогда не видал, чтобы «у нас самые лучшие родные умели так принять человека, так тихо и просто, а в то же время ласково и деликатно». [Лесков, т.8, 1958: 413]

Казалось бы, три неудачных брака должны были чему-нибудь да научить Сипачева, но, очарованный «ангелами», он, сам того не замечая, становится легкой добычей «хитрых немков». Его ласково и деликатно женят на Лине - «милой, красивой и спокойной» девушке [Лесков, т.8, 1958: 423]. А дальше происходит то, о чем предупреждали родные – немцы стали переделывать «брата-русака»: вопреки существующим законам Российской империи всех троих детей баронесса и Лина окрестили лютеранами, дав им немецкие имена. При этом поступили действительно хитро – как только у Лины приближался срок родов, ее дядя-барон отправлял Сипачева в командировку, не давая возможности присутствовать при крещении и повлиять на вероисповедание младенцев. Вернувшись из командировки, Сипачева просто ставили перед фактом.

Наивный Сипачев чувствовал какой-то подвох уже при первой командировке, понимал, что он «выгнан из дома нарочно, как какой-то дурачок», но ... отгонял эти мысли. «Кто мог со мной играть комедию? – спрашивал он себя. - Неужто моя милая, преданная жена, моя кроткая, верная Лина? Неужто моя теща, баронесса, пресвященная, истинно честная и всеми уважаемая женщина, сочувствующая всему высокому и презирующая все недостойное истинного благородства?» [Лесков, т.8, 1958: 427] К тому же «добрейший барон» Андрей Васильевич, поздравив Сипачева с рождением первенца Готфрида, искренне удивился: мол никто из них не знал, что детей должен был крестить русский священник,

Во второй раз Сипачеву даже не сказали о том, что Лина ждет ребенка, сослав его в командировку, а ее отправив лечиться на Рижское взморье. Узнав о появлении сына Оствальда, Сипачев понимает, что действительно обманут. Он угрожает подать на развод; обещает написать донос властям и сообщить о нарушении законов Российской империи; предупреждает жену и тещу о том, что родители откажут немецким внукам в наследстве. Однако ничего этого Сипачев не делает, признавая, что он – тряпка и трус. Даже письмо родителям не смог написать и признаться в том, что у него рождаются немцы, а он этого прекратить не может.

«Опять живем. Получил крест, и денег дали. К жизни охладел, и к тем вопросам, которые происходят в России, тоже охладел. Семья-немцы растут, живу хорошо и очень тихо. Ну их совсем все вопросы! Это надо иметь к ним охоту и здоровые нервы, чтобы ими заниматься. И то не здесь и не в колыванской семье», - признается Сипачев рассказчику.

Тем не менее русский офицер делает последнюю попытку и обращается с просьбой к православному священнику Федору следить за его семейством, пока он находится в командировке. Священник, увы, тоже оказался трусом. Отец Федор боялся всего на свете: людей, животных, насекомых и немцев, с которыми должен был бороться по долгу службы, тоже боялся. Так что Сипачева обманывают и в третий раз - приехав из очередной командировки на дачу в Кадриорг, он видит в колыбели Гунтера. Происходит взрыв. Русский мужчина в гневе страшен - настоящий варвар, которого может усмирить только полиция. «Варвар» же Сипачев проплакал всю ночь. Ему жизнь не мила, ибо он понимает, что навсегда потерял связь с родителями, потому что

скрывает от них двух первых немецких внуков, а теперь придется скрывать и третьего, и никогда он не сможет поехать к ним в Калугу и никогда не осмелится показать им своих сыновей.

Рассказчик сравнивает Сипачева с бычком – «молодым, смирным и добронравным», ему нравится его открытое привлекательное русское лицо, выражающее «присутствие здравого смысла, добродушную доверчивость и большую терпеливость» 400 Принося извинения за устроенный скандал, Сипачев поясняет, что он выгнал жену и тещу из дома, потому что оскорблены его мужская и национальную гордость, хотя могло показаться и так, будто бы он был в нетрезвом состоянии, но вина он никогда не пьет. Все это напоминает объяснение самого Лескова в статье «Законные вреды»: история с немцами «по отношению ко мне не может быть признана историей кутежного характера, ибо я был трезв, как всегда (что, впрочем, надеюсь, несомненно для всех, знающих мой неизменный образ жизни)». [Шор 2016: электронный ресурс]

В конце концов Сипачев мирится с женой и тещей. Рассказчик становится невольным свидетелем окончательного примирения героя с семьей, слыша разговор офицера с Авророй – кузиной жены, приехавшей на подмогу сестре и тете. В отличие от кроткой и тихой Лины, Аврора – решительная, прямолинейная и умная. Сипачев пытается доказать Авроре свою правоту, но слышит в ответ только категоричное «pain». Она категорически не согласна с Сипачевым, считающим, что с ним поступили дурно и бесчестно. Более того, Аврора сообщает, что для «искоренения недостатков» дядя отправляет его в кругосветное путешествие на два года. «А другие в это время не будут в себе ничего переделывать?» - спрашивает Сипачев. «Им нечего переделывать. Разве постараться сделать себя хуже», - уверенно отвечает молодая девушка. «Вы отравили мое спокойствие, вы лишили меня возможности откровенных отношений с моими родными, сделали всех лютеранами, когда они должны быть русскими», - возмущается Сипачев и опять слышит в ответ категоричное «pain».

Слушающий весь этот спор рассказчик даже решил посмотреть в шелку на лицо этой решительной дамы, поскольку такая категоричность могла сойти за элементарную тупость, но этому противоречил умный и быстрый взгляд серых глаз девушки и «чертовски твердое выражение подбородка». «Я упрямая немка! - гордо заявляет сама

Аврора, - ведь только мы, упрямые немки, и имеем дурную привычку доделывать до конца свое дело». [Лесков, т.8, 1958: 446]

В общем, именно русского мужа и выставляют виноватым в сложившейся ситуации, что с точки зрения рассказчика является вопиющей несправедливостью. Происходит так называемый «подмен виновных», о котором пишет сам Лесков в своей одноименной статье. В этой сцене в саду разговор Авроры с Сипачевым похоже больше на «суд»: Аврора выносит «приговор» Сипачеву. В этой ситуации так же можно выявить очевидное сходство этого суда с судом над Лесковым.

Рассказчик расстается со своим героем на даче в Кадриорге. Конфликт в русско-немецком семействе завершается примирением, однако с неприятным послевкусием: герой, восставший против лжи, вынужден смириться и лгать. Сипачеву не хватает ни союзников в этой борьбе, ни силы воли, ни хитрости. Противостоять в одиночку дружному немецкому семейству он не в силах.

О судьбе русского офицера, посланного утверждать в Балтию «русское начало», рассказчику становится известно через пятнадцать лет. Оказавшись в Дрездене, он случайно столкнулся с бароном Андреем Васильевичем, который рассказал о том, что вскоре после событий в Кадриорге Сипачев по просьбе умирающей жены, переезжает в Дрезден и женится на ее кузине Авроре. Та ему рождает еще трех немецких девочек. Погребен контр-адмирал Сипачев не на русском кладбище, а на немецком. «Он, как бычок, окончательно отмахнул головою и от Москвы, и от Калуги, и кончил свой курс немцем», - завершает рассказ Лесков. [Лесков, 1958, т.8:449]

Неслучайно для своего рассказа писатель выбрал эпитафию, русскую поговорку: «Пошел по канун и сам потонул». Если вспомнить с каким воодушевлением ехал Сипачев в Ревель, ехал туда, как на праздник, то концовка его истории выглядит, как «потопление» в жизненных обстоятельствах.

2.2. Образ немца в рассказе

В рассматриваемом рассказе Лесков противопоставляет немецкий и русский характеры. С одной стороны – расчетливость, педантичность, желание показать свое

расовое превосходство и исключительность, а с другой – горячий русский характер, непоследовательный, привлекающий даже своими недостатками. Однако, предпочтение автор не дает и ему, он остается всегда в нейтралитете, как бы позволяя читающему самому выбрать «правильную» сторону.

Анализируя образ «немца» в рассказе «Колыванский муж», можно заметить, что писатель сталкивает две традиции в создании этого образа, устоявшиеся в русской литературе: сентиментально-романтическое и ироническое представление о немцах. Поначалу, когда только Сипачев собирается ехать в Ревель, дядя ему говорит: «...немки ведь, братец, сентиментальны и на всех ступенях развития сохраняют чувствительность. Они любят о чем-нибудь повздыхать и взахаться! Ah, Gott! Ah, Herr Jesu! Ah, Himmel!» [Лесков, 1958, т.8:407] Самого Сипачева поражает сердечность, материнский тон и даже нежность писем баронессы Генриетты Васильевны, а уж ее письма действительно начинаются со слов «Ах, Боже мой!» Приехав, он отмечает образованность и воспитанность новых знакомых. «Мы сентиментальные немки, мы иногда бываем излишне чувствительны к человеческому несчастью...», - говорит и Аврора. [там же:422]

Сипачев так очарован, что не может понять, почему его дядя называет баронессу Генриетту шутливо «Венигретой»: «Смешного в баронессе не было ровно ничего: напротив, она всегда была препочтенная и всем внушала к себе уважение. Прозвать ее «Венигретой» могло только наше русское пустосмешество». [там же:412]

Рассказчик тоже старается видеть в соседках-немках только хорошее, понимая, что они фактически выжили его семью из совместного сада «больше по какому-то принципу». И точно так же, «по принципу», они делали вид, что не знают ни одного слова по-русски. Рассказчик обратил внимание на «тихий и безупречный образ жизни» своих соседок, на их трудолюбие - «всегда с работаю в руках», на хорошо воспитанных всегда изящно одетых мальчиков. Когда приехавший русский Рара выгнал соседок из дома и те обустроились в гостиной соседа, автор отметил, что «твердые, немецкие» дамы оказывается прекрасно говорят по-русски, но в отличии от русских женщин после такого грандиозного скандала ведут себя совершенно иначе: «присели в чужой квартире и сразу за вязанье»: «Наша бы русская крышу с дома скопала». [Лесков, т.8, 1958: 398]

Противопоставление характеров русских и немецких женщин в рассказе достаточно частотны. Сравнения не в пользу русских. Лесков упоминает, что русские мужчины в хозяйстве и сожительстве даже предпочитают более спокойных немок, ведь «немки хозяйственны и для заводу добры», «много ведомо с немками браков, и все хорошие жены», «...судьбу свою с немецкою женщиной связали, получили весь нужный для правильной деятельности покой души». [Лесков, т.8, 1958: 424] Русские же женщины наоборот «очень верченые», «такие затейницы, что никакого покоя с ними нет», «очень требовательны и так дорого стоят, что мужу остается для их угождения либо красть, либо взятки брать». [Лесков, т.8, 1958: 424] Для русских мужчин выгоднее и приятнее взять в жены немок, нежели русских женщин.

Действительно три брака с русскими женщинами для Сипачева закончились разрывом, а вот обе немки сумели «нашего брата русака переделать» [Лесков, т.8, 1958: 410] Неслучайно Сипачев признал: «У нас так долго живут в общении с немцами и так мало знают характеры немецких женщин». Параллельно с этим Лесков использует и стереотипное представление русских о немцах, подчеркивая «у них, у немцев, хороша экономия и опрятность». Впрочем, уже в самом начале рассказа словами матери Сипачева этот стереотип иронично подвергается сомнению: «Но об опрятности их говорят много лишнего: я их тоже знаю, - у нас акушерка была Катерина Христофоровна; бывало, в котором тазу осенью варенье варит, в том же целый год воротнички подсинивает». [Лесков, т.8, 1958: 411]

Немки в рассказе, как и немцы в то время, чувствовали себя владыками края, главными на своей территории. Их положение, происхождение и состояние помогало им нарушать и обходить все законы и правила. Брат баронессы барон Андрей Васильевич Z, от которого изначально зависело получение места на «морской службе», обладал всеми полномочиями, при помощи которых он мог три раза сослать Сипачева в командировки, пока все немецкое семейство в тайне крестило детей в лютеранство, а затем, чтобы утихомирить рассерженного родственника и приручить его окончательно, осыпал его наградами и повышениями по службе. Неслучайно Иван Сипачев окончил свою жизнь в чине контрл-адмирала.

Романтично-сентиментально представление о немцах используется писателем только в самом начале рассказа. И это неслучайно. Романтично-сентиментальный образ

трансформируется в типичный немецкий характер, устойчивый в русском сознании: немцы педантично и непреклонно отстаивают идею о своей национальной исключительности и превосходстве. Этому характеру противопоставлен русский характер: офицер Сипачев вызывает симпатию своей горячностью, доверчивостью, непосредственностью и непоследовательностью.

Необходимо отметить, что, как и у большинства русских писателей, в произведениях которых встречаются герои немецкого происхождения, Лесков также использует русское звучание их имен: барон Андрей Васильевич, баронесса Генриетта Васильевна. Правда, писатель не упустил возможности смешно переделать немецкое имя баронессы, сделав из Генриетты Винегрету. Примечательно, что если главный герой Иван Никитич Сипачев имеет имя, отчество и фамилию, то немецкие герои в рассказе Лескова фамилий не имеют. В примечании к «Колыванскому мужу» писатель сам пояснил, что он ограничился только вымышленными именами и отчествами, так как эти лица взяты им «с натуры».

По нашему мнению, Лесков не стал придумывать вымышленные фамилии немецкому семейству, чтобы придать достоверности своему сюжету. Вполне вероятно, что, испытав на себе преследование со стороны остзейских немцев, Лесков не хотел вновь ставить себя под удар. Ведь каком-нибудь вымышленном бароне Андрее Васильевиче Штольце мог увидеть себя один из ревельских баронов. Тем более, как отмечают исследователи, описанная Лесковым история была типична для остзейского края.

«Между немцами есть даже очень честные и хорошие люди, но все-таки они немцы» [Лесков, т.8, 1958: 409], - говорит Сипачеву его дядя, подчеркивая тем самым, что даже самые хорошие немцы остаются чужими и никогда не станут своими. Немцы, живущие в Остзейском крае, чужие вдвойне, поскольку и сам край не вполне «свой», и законы там особенные, немецкие, а царящие порядки даже опасны для русского человека, поскольку, попадая в этот край, некоторые из них незаметно онемечиваются.

Зато русские немцы, то есть немцы, проживающие в России, описаны совершенно иначе. Представителем такого «русского немца» является петербургский врач Христиан Андреевич Нордштрем, открывший в 1877 году на Рижском взморье

первую бальнеологическую лечебницу. Именно в эту лечебницу отправили Лину, которая вынашивала второго ребенка. Писатель же познакомился с Нордштремом в 1885 году, когда второй раз отдыхал на Рижском взморье и останавливался неподалеку от санатория, в Дуббельне.

«Лине советовали полечиться в Дуббельне у Нордштрема, в его гидропатической лечебнице. Я их завез туда и устроил в Мариенгофе на самом берегу моря. ... Чудесный старик-немец и терпеть не мог остзейских немцев, все их ругал по-русски прохвостами. Больных заставлял ходить по берегу то босиком, то совсем нагишом. В аптечное лечение не верил нисколько и над всеми докторами смеялся. Любопытный был человек! Брак считал недостойным и запоздалым учреждением, остающимся пока еще только потому, что люди пока не могут найти, чем бы его заменить; ходил часто без шапки, с толстой дубиной в руке, ел мало, вина не пил и не курил, и был очень умен», - говорил Лесков устами своего героя Сипачева.

На примере доктора Нордштрема можно отметить, что не только Лесков разделяет немцев на «чужих» и «не совсем чужих», но и сами русские немцы осознавали свою непохожесть на прибалтийских немцев. Если Нордштрем – свой, русский немец, принявший законы Российской империи, то прибалтийские немцы сопротивлялись русификации и упорно отстаивали не только свои многовековые привилегии, но свои культурные традиции и религию, которые тоже считали более превосходящими. Именно поэтому они, как писал Иоганнес фон Гюнтер, не жаловали ни русских, ни латышей, вообще никого кроме них самих – немецких прибалтов. Даже невест находили исключительно в своем кругу, а с остальными были в замкнутых или же формальных взаимоотношениях.

Благодаря тому, что Лесков часто посещал Остзейский край, он часто становился свидетелем оскорбительного для русского человека проявления немецкого национализма в Ревеле. Враждебное отношение к немцам и немецким баронам-остзейцам сложилось у Н.С. Лескова сразу же. В публицистике и своих художественных произведениях вражда между немцами и других народах Н.С. Лесков показывает достаточно четко («Законные вреды», «Железная воля», «Александрит»).

Между тем, как отмечает А.Батюто, Лесков не был квасным патриотом, но в данном случае такой подход к герою усугублялся его особой оценкой политической обстановки в Прибалтике. Наряду с немецким национализмом писателю были, пожалуй, не менее чужды бестактные, а подчас и грубые действия русских обрусителей края, а также в известной мере солидаризировавшихся с ними славянофилов типа Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова. Рассказ недаром пестрит ироническими характеристиками патриотизма славянофилов. «Односторонность» славянофилов претила писателю. [Батюто 1958: 611]

В статье «Русские деятели в остзейском крае», касаясь вопроса о сосуществовании различных национальных стихий в прибалтийских странах и поведения царской администрации, Лесков писал: «Правитель... обязан заботиться, чтобы всякий племенной антагонизм смешанного населения не усиливался, а сглаживался, и чтобы все равно чувствовали справедливость в беспристрастии правящей власти. Думается, что равное для всех внимание и справедливость были бы гораздо нужнее и полезнее, чем обнаружение тех или других племенных «предпочтений». История русской администрации в остзейском крае имеет немало доказательств, что предпочтения как в ту, так и в другую сторону приносили гораздо более вреда, чем пользы» («Исторический вестник», 1883, ноябрь, стр. 257). [Батюто 1958: 612]

Эти слова подтверждает и тот факт, что в конце 80-х годов маршруты Лескова по Лифляндии и Эстляндии резко прерываются. В письмах писателя к издателю Владимиру Черткову от апреля 1889 года и сестре Ольге Крохиной в июне того же года, Лесков прямо говорит о том, почему стал избегать Арнсбург и Рижское взморье. «К немцам своим не поеду, потому что их теперь «русифицируют», а я терпеть не могу быть при таких операциях», - пишет он В.Черткову. «Мне все надоело и никуда не манится, особенно в тот край, где производятся мероприятия, делающие нас неприятными туземными обывателями», пишет он сестре, отдохавшей в то лето в Дуббельне и, видимо, приглашавшей брата приехать к ней. [Инфантьев, 1999:195]

Произведение «Колыванский муж» исследователи творчества Лескова обычно анализируют с точки зрения «Остзейского вопроса» и особенностей изображения национального характера в рамках понятий «свой» - «чужой», тем самым определяя

отношение автора к немцам как негативное, учитывая тот факт, что благодаря частым посещениям Лесковым Остзейского края и столкновениям с проявлениями немецкого национализма, в его сознании прочно укрепилось враждебное отношение к немецким баронам, заправляющими всем в этом крае. [Батюто 1958: 611]

Между тем, как заметила исследовательница творчества Н.С. Лескова Надежда Заварзина в этом многослойном произведении можно увидеть иные планы содержания, в частности, писателем представлена модель взаимодействия культур и отражения этого взаимодействия в судьбе человека, оказавшегося в межкультурном пространстве. Для одного такое попадание в межкультурное пространство будет благом и только обогатит его в социокультурном плане, для другого, как для Сипачева, это может стать потерей своих корней и своей культуры. [Заварзина 2008: электронный ресурс]

Рассказ Н.С. Лескова «Колыванский муж» впервые был напечатан в 1888 году, в декабрьском номере от 11 декабря ежемесячного бесцензурного литературного журнала «Книжки Недели», выходявшего в виде приложений к газете «Неделя». Рассказ Лескова получил высокую оценку в критике. Сотрудник газеты «Санктпетербургские ведомости» Н. Ладожский в своей статье «Критические наброски» отмечал: «...перипетии борьбы этого московского мужа со своею колыванскою роднёю... составляют всю прелесть, всю правду и глубину превосходного рассказа г. Лескова... Помимо бытового значения рассказа г. Лескова, весьма и весьма многое объясняющего в удивительной истории иностранной колонизации в России... самый рассказ безусловно следует признать... художественным...» [«Санкт петербургские ведомости», 1889, № 34, стр. 2].

Другой критик, столь же положительно оценивая рассказ, высказал мысль об известной близости Лескова к произведениям Тургенева: «В «Колыванском муже» затронута и солидно разработана та черта русской неустойчивости, слабости характера, которая так постоянна в многочисленных повестях Тургенева; г. Лесков..., показал человека совсем русского... который «кончил свой курс немцем» и даже погребен в Дрездене» [«Исторический вестник», 1890, май, стр. 401-402]

Выводы

Автор описал, на первый взгляд, совершенно необычную и запутанную историю, в основе которой лежало нарушение закона. История носила политический и национальный характер, однако, как оказалось для того времени в Остзейском крае – такие случаи были частыми. Во всяком случае, задолго до написания «Колыванского мужа» тема уже освещалась в русской периодической печати.

Произведение «Колыванский муж» исследователи творчества Лескова обычно анализируют с точки зрения «Остзейского вопроса» и особенностей изображения национального характера в рамках понятий «свой» - «чужой», между тем в этом многослойном произведении писателем представлена модель взаимодействия культур и отражения этого взаимодействия в судьбе человека, оказавшегося в межкультурном пространстве. Для одного такое попадание в межкультурное пространство будет благом и только обогатит его в социокультурном плане, для другого, как для Сипачева, это может стать потерей своих корней и своей культуры.

Главный герой рассказа обладает чертами типичного русского человека, вызывающего симпатию своей горячностью, доверчивостью, непосредственностью и непоследовательностью. Однако слабохарактерность героя и отсутствие поддержки со стороны соотечественников и родных делают его уязвимым и беззащитным перед сплоченным немецким семейством, которое идет на все, чтобы отстоять свои интересы. В результате истинно русский офицер и дворянин Сипачев из «своего» становится «чужим», и именно это превращение русского в немца позволяет Лескову внести новое развитие в известную тему.

Лесков использовал одновременно сентиментально-романтическую и комическую традицию русской литературы в создании образа «немца», но прибегая к этой традиции только в начале рассказа. В процессе повествования этот образ трансформируется и лесковские немцы приобретают типичный немецкий характер, устойчивый в русском сознании: немцы педантично и непреклонно отстаивают идею о своей национальной исключительности и превосходстве.

В рассказе «Колыванский муж» Лесков использует композиционный прием «рассказа в рассказе», что дает рассказчику возможность одновременно быть и наблюдателем, и соучастником происходящих событий. Такое композиционное решение позволяет со стороны посмотреть на заявленную проблему и представить несколько точек зрения.

Кроме того, повествование все время ведется от первого лица, и этот прием придает рассказу особую эмоциональность, убедительность и достоверность.

Наряду с немецким национализмом писателю были не менее чужды бестактные, а подчас и грубые действия русских обрусителей края, неслучайно в конце 80-х годов маршруты Лескова по Лифляндии и Эстляндии резко прерываются. Как он пояснял в письмах, «к немцам своим не поеду, потому что их теперь «русифицируют», а я терпеть не могу быть при таких операциях».

Остзейская тема в рассказе раскрывается очень деликатно. Лесков никого не клеймит и не встает ни на чью сторону сам, напротив, предлагает попытаться понять позицию каждого. В том числе и немецких жен русских мужей, вынужденных идти на обман, отстаивая свою правду, сохраняя свою веру и культуру.

Заключение

В ходе работы:

- Были отобраны необходимые материалы исследования.
- Был рассмотрен образ главного героя как носителя «русского начала» в Остзейском крае.
- Было выявлено автобиографическое начало в образе героя-рассказчика.
- Был охарактеризован образ немца в рассказе.
- Выяснены авторские позиции и оценки.

При дальнейшем исследовании можно более подробно изучить остзейскую тему в других произведениях Лескова и сравнить как в них описываются местные жители края и какие отношения у них складываются с прибывшими утверждать новое «русское начало» чиновниками, а также были ли освящены писателем в его творчестве другие смешанные браки.

Список использованной литературы

Источники:

1. **Лесков, Н.** Колыванский муж (Из остзейских наблюдений). Собрание сочинений в 11-ти томах. Москва: Художественная литература, 1958, т.8, 632 с.
2. **Лесков, Н.** Письма. Собрание сочинений в 11-ти томах. Москва: Художественная литература, 1958, т.10.
3. **Лесков, Н.** Письма. Собрание сочинений в 11-ти томах. Москва: Художественная литература, 1958, т.11, 861 с.

Научная и критическая литература:

4. **Батюто, А.** Примечания. *Собрание сочинений в 11-ти томах.* Москва: Художественная литература, 1958, т.8, 632 с. – 610-618с.
5. **Грелов, А.** Из дописательской биографии Н.С. Лескова. *Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей».* Москва, «Молодая гвардия», 1983, т. 13, с. 143-167
6. **Данилова, Н.** Автобиографическое и метали-тературное в произведениях Лескова (на примере рассказа «Колыванский муж», 1885) *Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли: (к 175-летию со дня рождения).* Москва, 2010. С. 73—87.
7. **Дмитриев, А.** Прибалтийский вопрос и демократизм в православии. *Иродова работа. (Н.С. Лесков)* Санкт-Петербург: «Пушкинский дом», 2010, 576 с.
8. **Инфантьев Б., Лосев, А.** Остзейский смарагд в лесковском ожерелье. *Обращенные к Латвии строки. Русско-латышские литературные связи.* Рига. Zvaigzne ABC, 1999, 253 с.
9. **Лесков, А.** Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Москва: Художественная литература, 1984, т.1.

10. **Лесков, А.** Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Москва: Художественная литература, 1984, т.2.
11. **Лесков, Н.** Законные вреды. Русский мир. 1872. № 313. 30 нояб.
12. **Лесков, Н.** Подмен виновных: Случай из остзейской юрисдикции Исторический вестник. 1885. № 2. С. 327—340.

Справочная литература:

13. Календарь Русской Православной Старообрядческой Церкви. 2011. С. 40.

Интернет-источники:

14. **Гурин, А.** Как писатель Николай Лесков в Риге международную мафию сокрушил. 2005 [электронный ресурс] Доступен на 25.05.2018 http://baltnews.lv/rus_port/20150809/1014220776.html
15. **Гурин, А.** Николай Лесков [электронный ресурс] Доступен на 24.05.2018. <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-leskov.html?source=literature>
16. **Гюнтер, И.** Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном. [электронный ресурс] Доступен на 25.05.2018: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gyunter-iogannes-fon/zhiznj-na-vostochnom-vetru-mezhdu-peterburgom-i-myunhenom>
17. **Журавлев, С.** Как в Риге принимали Лескова, или в гостях у рижского купца И.Ф.Тугова. Меч Духовный, 2003, №10, с. 8. [электронный ресурс] Доступен на 25.05.2018 <http://www.starover-pomorec.lv/starover/files/newspaper/10.pdf>
18. **Заварзина, Н.** Qui pro quo и «Подмен виновных»: металитературное и автобиографическое в рассказе Н.С. Лескова «Колыванский муж». 2008 [электронный ресурс] Доступен на 25.05.2018 <https://cyberleninka.ru/article/n/qui-pro-quo-i-podmen-vinovnyh-metaliteraturnoe-i-avtobiograficheskoe-v-rasskaze-n-s-leskova-kolyvanskiy-muzh>

19. История Эстонии [электронный ресурс] Доступен на 25.05.2018
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%AD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B8
20. **Крастелев, М.** Старообрядчество в Лифляндии в эпоху Николая I. Учреждение Рижского викариатства. [электронный ресурс] Доступен на 24.05.18:
<https://cyberleninka.ru/article/n/staroobryadchestvo-v-liflyandii-v-epohu-nikolaya-i-uchrezhdenie-rizhskogo-vikariatstva>
21. Появление староверов на территории Латвии [электронный ресурс]. Доступен на 24.05.18: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/home-for-russian-old-believers.html>
22. Староверы Латвии [электронный ресурс]. Доступен на 24.05.18:
<https://pribalt.info/content/starovery-v-latvii>
23. **Шор, Т.** Кто виноват?.. или Н.С. Лесков и остзейский суд. 2016. [электронный ресурс] Доступен на 25.05.2018 <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/kto-vinovat-ili-ns-leskov-i-ostzejskij-sud.html>

DOKUMENTĀRA LAPA

Bakalaura darbs „Ostzemes tēma Nikolaja Ļeskova daiļradē: «Kolivāņu vīrs» (Kolyvanskiy muzh)” izstrādāts LU Humanitāro zinātņu fakultātē.

Ar savu parakstu apliecinu, ka pētījums veikts patstāvīgi, izmantoti tikai tajā norādītie informācijas avoti un iesniegtā darba elektroniskā kopija atbilst izdrukai.

Autors: Veronika Aleksandrova

Rekomendēju darbu aizstāvēšanai

Vadītājs: asoc.prof. Dr. phil. Jurijs Sidjakovs

Recenzents: doc. I. Narodovska

Darbs iesniegts Rusistikas un slāvistikas nodaļā 28.05.2018.

Studiju metodiķe: Jeļena Sevastjanova

Darbs aizstāvēts bakalaura gala pārbaudījuma komisijas sēdē

____.06.2016 prot. Nr. ____, vērtējums ____ (_____)

Komisijas sekretāre: lektore Nadežda Kopoloveca